

© 1991 г.

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ДАВНАХ И ДИОМЕДЕ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АПУЛИИ

Небольшой народ давнов, занимавший в древности северную часть Апулии, до последнего времени почти не привлекал внимания исследователей. Между тем греки связывали этот народ с несколькими героями, пережившими Троянскую войну, и в виде доказательства посещения этих мест героями демонстрировали то посвященные им храмы, то иные постройки или даже просто местности, с которыми их соединяли предания.

Страбон, посетивший эти края в конце I в. до н. э. или начале I в. н. э., говорит о двух храмах героев на одном из холмов Апулии: храме Подалирия (лекаря ахейского войска под Троей) у подножья холма и храме прорицателя Калханта — на вершине. Географ рассказывает, что в храме Калханта обычно приносили в жертву черного барана и спали на его шкуре, чтобы во сне узнать свое будущее (IV.3.9 — р. 284). Древние авторы не донесли до нас преданий, которые дали бы возможность понять, какое отношение к Италии имели эти два героя, зато в античной традиции (в частности, и у Страбона) достаточно подробно разработаны предания о Диомеде в Италии, собранные, скорее всего, греческими историками

Южной Италии и Сицилии. Во всяком случае, комментатор Ликофрона Цец, рассказывая о пребывании Диомеда и его спутников в Апулии, ссылается на авторитет Лика из южноиталийского Регия и сицилийского историка Тимея из Тавромения (Tzetzes. Ad. Lycophr. 615).

Легенды эти, по крупницам донесенные до нас Псевдо-Скилаком (16), Ликофроном (Alex. 592 sqq., 1050 sqq.), Псевдо-Аристотелем (De mirab. ausc. 80), Вергилием (Aen. XI. 246 sqq.; 272 sqq.), Овидием (Met. XIV. 456 sqq.), Дионисием Галикарнасским (I.72), Юстином (XII.2), Страбоном (V.1.9; VI.3.9 — p. 215, 284), Плинием Старшим (NH. III. 15), Антонином Либералом (37), Плутархом (Rom. 2), Аппианом (B. C. II. 20), Солином (II. 10), схоластами Гомера (Schol. Hom. II. IV. 412), Пиндара (Schol. Pind. Nem. X. 12), Ликофрона (Schol. Lycophr. 592, 610, 1056; Tzetzes. Ad. Lycophr. 603, 615), Вергилия (Schol. Verg. Aen. VIII. 9), Стефаном Византийским (s. v. Diomedea), отражают подчас противоречащие друг другу версии (делающие Диомеда то союзником давнов, получившим от Давна в благодарность за помощь против соседних мессапов часть земель и дочь в жены, то их противником, павшим от руки Давна), но неизменно приписывают Диомеду цивилизаторскую деятельность среди варварского племени давнов или других народов Адриатического побережья Италии. У разных авторов мы встречаем разные названия городов, возведенных на территории Апулии Диомедом, но большинство, в том числе и Страбон (VI. 3. 9), называли Кануций, Сипунт и Аргириппу (первоначально Аргос Гиппион). С именем Диомеда связывали также два небольших островка напротив мыса Гаргана, носивших название Диомедовых. По словам Псевдо-Аристотеля (De mirab. ausc. 80) и Страбона (VI. 3. 9), один из них связывался с чудесным исчезновением Диомеда и превращением его спутников в птиц, напоминавших лебедей. Страбон утверждал, что этот необитаемый островок был действительно заселен ручными птицами¹.

На свою территорию переносили Диомеда не только апулийские греки. Псевдо-Скилак сообщает, что в землях умбров тоже был храм Диомеда, где героя почитали за оказанные населению благодеяния (Ps.-Skyl. 16). Также и генеты (венеты), согласно Страбону (V.1.9; VI.3.9), были убеждены, что именно у них герой завершил свой земной путь, превратившись в бога. Географ сообщает о святилище, где Диомед почитался как герой, раскрывает и подробности культа — принесение в жертву белого коня (Strabo. V. 1. 9). Среди внеапулийских городов, основание которых приписывалось Диомеду, называли: в землях венетов Спину (Plin. NH. III. 120), в Лации — Ланувий (App. B. c. II. 20; VII. 4), в Самнии — Беневент (Serv. Aen. VII. 9; Solin. II. 10), в прилегавших к Апулии Лукании и Калабрии — Венузию (Verg. Aen. XI. 246) и Бруднизий (Iust. XII. 2). Но все же наиболее разработаны «апулийские» варианты легенд, прочно соединявшие Диомеда с давнами.

Греческих историков ни давны, ни их герой-эпоним Давн сами по себе почти не интересовали, и греческая традиция об этом народе чрезвычайно скупа. В сущности та немногочисленная информация, которую можно признать бесспорной, — это само название народа, место его обитания в северной части Апулии, а также факт его неавтохтонности. Авторы считали давнов народом балканским, но выводили из разных регионов полуострова: наиболее распространено было мнение об их переселении из

¹ Другие авторы, передавая предание о превращении спутников Диомеда в птиц, относили эту метаморфозу ко времени, когда Диомед был еще жив (Verg. Aen. XI. 273 sqq.; Ovid. Met. XIV. 441 sqq.).

Аркадии. Так, согласно Автонину Либералу (37), Давн считался сыном аркадского царя Ликаона, переселившимся в Италию вместе с братьями — Ялигом и Певкетом; Веррий Флакк, однако, называл Давна славным мужем иллирийского рода, переселившимся со своей родины в Давнию из-за междоусобиц в его отечестве (ар. Fest. 60 L., s. v. Daunia). Что же касается рассказов о прибытии к этому народу Диомеда, дающих кажущееся указание на обитание давнов в Апулии, по крайней мере, в XII в. до н. э., то они оказались лишены хронологической основы: в конце прошлого столетия благодаря находкам давнской керамики² было установлено, что давны появляются в Апулии лишь с X. в. до н. э. Путаница, видимо, связана с тем, что Апулия действительно была регионом микенского присутствия, и когда греки вторично появились на ее берегах в ходе Великой греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э. и застали там города давнов, у них не возникло сомнения в том, что города эти возведены для варваров греками, хотя само их расположение на некотором расстоянии от побережья — там, куда в микенский период греки не прощипали, свидетельствовало о местном происхождении.

Оттесненные колонистами на неудобные заболоченные земли прибрежной Апулии, давнское население постепенно утрачивает свою этническую специфику. Традиция не фиксирует, когда это произошло, а к рубежу I в. до н. э. и I в. н. э., т. е. ко времени посещения Апулии Страбоном, и сам этноним уже вышел из употребления. «Так как имя певкетов и давнов вовсе, неупотребительно у местных жителей (кроме как, может быть, в древнее время) и вся эта область теперь называется Апулией, то приходится отказаться от точного определения границ этих народностей» (Strabo. VI. 3. 8. Пер. Г. А. Стратановского).

Когда современная наука в конце прошлого столетия впервые обратилась к вопросу о давнах в связи с находками местной керамики, ученые оказались не в лучшем положении, чем в свое время Страбон. Выделить специфику керамики давнов в общей массе керамического материала Апулии было настолько сложно, что многие исследователи отождествляли этот народ с жившими по соседству с ним мессапами и певкетами, воспринимая все три этноса как единое население догреческой Апулии³. Историки заговорили об этом полузабытом народе с 60-х годов нашего века, когда в течение буквально двух десятилетий появился огромный археологический материал, обрисовавший столь самобытную культуру, что потребовалось коллективное осмысление найденного. Не случайно очередной Международный конгресс по доримской Италии в 1980 г. был полностью посвящен давнской цивилизации, не имеющей аналогов на почве Италии.

С 1962 г. в районе мыса Гаргана археологическая экспедиция, возглавляемая С. Ферри, стала находить антропоморфные стелы — погребальные памятники, оставленные давнами⁴. Эти сравнительно плоские (от 2,5 до 14 см) белые известняковые плиты высотой от 31,5 до 125,7 и шириной от 20 до 70 см как бы имитируют фигуру покойника в его погребальном одеянии. Головы (находимые отдельно, поскольку плиты и в древности и в новое время использовались в строительстве) обычно или конические, или сферические, причем коническая форма имитирует муж-

² *Patroni G. La ceramica antica nell'Italia meridionale. Napoli, 1897.*

³ Против такого отождествления справедливо возражал В. И. Модестов (*Модестов В. И. Введение в римскую историю. Ч. 2. СПб., 1904. С. 144 сл.*).

⁴ *Ferri S. Stele «Dauniae». I—VII // Bollettino d'Arte del Ministero della pubblica istruzione, 1962—1967; idem. Le stele Dauniae // Atti dell'Accademia dei Lincei. 1974.*

Рис. 1—2. Фрагменты стел «с орнаментом». Расположение рук

ской головной убор. Иногда намечены черты лица: круглые глаза, полоски бровей и рта, прямоугольная линия носа, часто также и уши⁵. Поскольку в ряде случаев по краю «лица» заметен выступ, Мария-Луиза Нава, занимающаяся этими стелами более двух десятилетий, еще в 1984 г. высказала предположение, что речь идет об имитации погребальной маски, надетой на лицо покойника⁶.

Стелы подразделяют на два рода, условно названные «стелами с оружием» и «стелами с орнаментом». В тех и других руки изображаются положенными на грудь и обязательно в перчатках⁷ (см. рис. 1—2). На стелах первого рода изображено и оружие (меч в ножнах), прислоненное к рукам; грудь закрыта панцирем, сзади — круглый щит. На стелах с орнаментом обычно изображены ожерелья, фибулы, ленты, подвески сзади иногда — свисающая коса. В том и другом роде стел «одежда» имеет «вышивку». Все это нанесено на поверхность камня рельефом и подчеркивается раскраской⁸.

Первоначально стелы с орнаментом были безоговорочно отнесены к женским погребениям, а стелы с оружием — к мужским. Однако неестественная диспропорция в соотношении количества тех и других поставила это мнение под вопрос: из 596 вошедших в изданный М.-Л. Навой каталог 514 (т. е. более 82%) — с орнаментом и лишь 82 (менее 18%) — с оружием⁹. М.-Л. Нава предположила, что стелы с оружием — признак не

⁵ *Nava M.-L. Pietre del Gargano. Torino, 1987.*

⁶ *Eadem. Le stele della Daunia // La civiltà del Dauni nel quadro del mondo italico. Atti del XIII Convegno di studi etruschi e italici. Firenze, 1984 (далее — Le stele). P. 172.*

⁷ Надо думать, что перчатки, в соответствии с обычными представлениями погребальной идеологии, должны были как бы отгородить живого от опасности прямого контакта с покойником. Аналогии такого рода известны в погребальных обрядах ряда народов, в частности балканских (см. Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тез. докл. конф. М., 1985).

⁸ *Nava. Le stele. P. 164 sgg.*

⁹ *Eadem. Le stele Daunie. V. I. Firenze, 1980.* К настоящему времени количество стел значительно возросло, главным образом за счет их восстановления из ранее обнаруженных фрагментов, но соотношение это, как любезно сообщила подготавливающая их издание М.-Л. Нава, практически остается примерно тем же.

любого мужского захоронения, а только захоронения воина какой-то определенной категории, относившейся к верхушке общества, и что часть стел с орнаментом принадлежала мужчинам, также входившим в привилегированные группы, но занимавшим в обществе какое-то иное положение, чем обладатели стел с оружием, и только те стелы, на задней стороне которых имеется изображение косы, могут быть безоговорочно отнесены к женским погребениям¹⁰. В подкрепление этого мнения могут быть приведены косвенные параллели, литературные и археологические. Так, в соседней с Апулией Кампанией в могилах Понтеканьяно обращает на себя внимание то, что часть их содержит только копья, часть — только мечи и лишь около половины — и то, и другое; в опубликованном до 1980 г. материале из 27 захоронений первой половины VIII в. до н. э. копья обнаружены в 10 могилах, мечи — в 5, копья и мечи — в 12. Также и в большей части захоронений второй половины того же столетия, имеющих только один вид оружия, находят копья, в меньшей — мечи¹¹, так что выделение каких-то групп среди воинской верхушки (а что речь идет о верхушке, ясно уже из самого существования художественных надгробий) вполне правомерно.

Помимо основного изображения, передающего облик покойника, со всеми его украшениями или оружием на стеле (на всех участках, оставшихся свободными от «одежды», «украшений» или «оружия») размещаются многочисленные сценки, «вторичные» по отношению к «телу» покойника. Они располагаются под поясом и над поясом, над грудью и вокруг щита и т. п. Изображения эти, отличающиеся необычным многообразием сюжетов, присутствуют и с передней, и с задней стороны стел — как с орнаментом, так и с оружием (боковые поверхности декорированы только орнаментом, реже — отдельными фигурками животных). В качестве фона этих сцен изображались животные (чаще всего волки и зайцы), птицы¹², реже рыбы, но вместе с тем и мужские фигурки, свастики и меандры, у всех народов символизирующие обычно плодородие. Эти «вторичные» изображения (как сюжетные сценки, так и фоны) для нас наиболее интересны, потому что они, с одной стороны, демонстрируют символический язык погребальной идеологии, а с другой, — свидетельствуют о различных сторонах жизни давнего общества: и о социально-экономических отношениях, и о природной среде обитания, и о возможных путях продвижения давнов на территорию Южной Италии, а может быть, даже в племенном составе народа, осевшего в Апулии под этим именем. Кроме того, сама эволюция, вернее, постепенная деградация давнего искусства — ценнейший источник, наглядно демонстрирующий результаты соприкосновения давнов с греческими колонистами.

В настоящее время принята предложенная М.-Л. Навой классификация стел, согласно которой выделяются пять типов. Их классифицирующие признаки — насыщенность стел изображениями и сам характер этих

¹⁰ Nava. Le stele. P. 168.

¹¹ Cornell T. J. Rome and Latium Vetus // Archaeological Reports, London, 1979—1980. P. 77.

¹² Первооткрыватель давних стел С. Ферри, проанализировав все многообразие этих птичьих изображений, пришел к выводу, что повсюду, даже там, где не сохранились характерные признаки природы, речь идет о павлинах (Stele «Daunie». VII. P. 215). Впрочем, этот вывод не был принят М.-Л. Навой, полагающей, что большая часть птиц относится к водоплавающим (Le stele. P. 179).

изображений (как первичных, так и «вторичных»), а также фона¹³. Для первых двух типов характерны максимальная насыщенность изображениями, предельная их реалистичность и значительное разнообразие сцен. Третий тип еще сохраняет это разнообразие, но уже намечается тенденция к некоторому упрощению. Начиная с четвертого типа изобразительный репертуар становится значительно беднее, сюжетные сцены ограничиваются минимальным количеством персонажей, впервые появляются стелы, вообще лишенные вторичных изображений (хотя это, скорее, исключение), сами изображения делаются более абстрактными и схематичными. Схематизация становится господствующей в пятом типе, для которого характерно полное исчезновение вторичных сценок¹⁴.

Подобное деление дает не только типологию, но и ключ к установлению хронологии памятников, трудно датируемых ввиду того, что из-за неоднократного использования все они найдены вне своего первоначального контекста. Сопоставление изображений предметов инвентаря на стелах с их реальными прототипами из хорошо датированных могил позволило отказаться от слишком ранней хронологии, которой придерживались в первые годы открытия стел, и датировать их временем от второй половины VII до начала VI в. до н. э. Наибольший расцвет производства художественных стел приходится на конец VI в. до н. э., но вместе с тем уже к концу этого влета наблюдаются те изменения в сторону схематизации и упрощения, которые характерны для IV типа. С наступлением V в. мы имеем дело уже исключительно с памятниками V типа, когда исчезают стелы с оружием и пропадает то богатство и сюжетное многообразие, в котором можно разглядеть символический язык погребальной идеологии народа. Постепенно исчезает и специфика давниской керамики — на протяжении IV в. до н. э. она практически поглощается греческой.

Таким образом, исчезновение давнов как народа, о чем свидетельствует Страбон и время чего установить по литературным источникам невозможно, археологически может быть датировано V—IV вв. до н. э., когда отнесенные в болота Апулии племена давнов, на протяжении почти трех столетий сохранявшие свою культуру, в конечном счете ее утрачивают, обезличиваясь в общей массе завоеванного греками населения Апулии.

Эволюция, которую претерпевают стелы на протяжении полутора веков, касается в равной мере и стел с оружием, и стел с орнаментом. Технические приемы и художественные особенности внутри каждого из пяти предлагаемых М.-Л. Навой периодов одинаковы. Но репертуар изображений, преобладание того или иного сюжета зависят от принадлежности стелы к тому или другому роду: с оружием или орнаментом.

Публикация М.-Л. Навой каталога давниских стел и ее доклад на посвященном давнам конгрессе, вобравший анализ находок, сделанных после публикации каталога, позволяют представить картину этих изменений следующим образом. Стелы Давнии дают возможность проследить те изменения, которые развивались внутри давниского общества после его соприкосновения с колонистами и оттеснения на небольшие островки в апулийских болотах. Изменения в сюжетной насыщенности идут не только в плане постепенного ее снижения, но и в плане изменения соотношения насыщенности сюжетами в стелах с оружием и стелах с орнаментом. В I—II типах сюжетным разнообразием характеризуются только стелы

¹³ С. Ферри, обращая внимание на постоянно повторяющиеся изображения павлинов, справедливо полагает, что их можно расценивать как тотем фрако-иллирийского племени пеонов (Stele «Daunic». VII. P. 215 sgg.).

¹⁴ Nava. Le stèle. P. 170 sgg.

с оружием, тогда как круг сюжетов для стел с орнаментом ограничен: это, главным образом, процессии женских персонажей, иногда птицеголовых, обычно с сосудами на головах (I—II типы), передача форминги (II тип), охотящиеся животные (I—II типы) и птицы, вообще характерные и для сюжетных сцен, и для заполнения пустого пространства во всех типах стел. В стелах, расцениваемых как переходные между II и III типами, появляются изображения фантастических животных, а также перемалывания зерна жерновами. Напротив, для III типа, продолжающего сохранять сюжетное многообразие, характерны обилие сюжетов для стел с орнаментом и крайняя ограниченность сюжетного репертуара в стелах с оружием, сохраняющаяся, естественно, и для IV типа. В V же типе вообще исчезают стелы с оружием.

Обращает на себя внимание и еще одна особенность в распределении сюжетного репертуара между стелами с орнаментом и стелами с оружием. Для I—II типов стелы с орнаментом и стелы с оружием в основном сохраняют свой собственный репертуар изображений. Даже сходные по смыслу сюжеты не аналогичны. Так, фантастические животные на стелах с орнаментом — это лев с рыбьим хвостом и трехглавое чудовище, условно названное «кербером», на стелах с оружием — цетас, дракон, химера, гидра, волчица с ослиной ногой, морские чудовища. Единственная сцена приношения, зафиксированная на стеле с оружием (II тип), имеет собственную специфику, выделяющую эту сцену из общей темы приношений, характерной для стел с орнаментом: здесь дары передаются женщиной сидящему на троне мужчине. Но начиная с III типа (т. е. того типа, для которого характерно резкое усиление сюжетной насыщенности стел с орнаментом и столь же резкое ее оскудение для стел с оружием) сюжеты начинают повторяться: погребальные трапезы, охотничьи сцены, первоначально (в I—II типах) появившиеся на стелах с оружием, оказываются общим репертуаром для стел и с оружием, и с орнаментом. Таким образом, обогащение сюжетов на стелах с орнаментом идет за счет перенесения на них тематики, до того составлявшей монополию стел с оружием. Сюжетная насыщенность стел с оружием (хотя количество их неожиданно возрастает перед самым исчезновением) снижается неизменно, даже в период наивысшего расцвета производства художественных стел Давнии. Так же и сами стелы с оружием исчезают раньше, чем прекращается практика использования антропоморфных стел в качестве погребальных памятников: стелы с орнаментом, хотя и лишённые вторичного декора, продолжали существовать (согласно хронологии М.-Л. Навы) более десятилетия после исчезновения стел с оружием.

На протяжении всей эволюции, которую претерпевает репертуар сюжетных изображений на стелах обоих видов, военные сцены и сцены, в которых участвуют всадники или колесницы, остаются исключительной принадлежностью стел с оружием, тогда как процессии женских персонажей или сцены передачи женщиной мужчине форминги в окружении нескольких персонажей или без них характерны для стел с орнаментом (см. рис. 3).

Изменения в распределении сюжетов по типам стел, несомненно, фиксируют какие-то неясные для современного исследователя сдвиги в погребальной идеологии, отражающие более глубинные социальные процессы в давнем обществе. Что же касается зависимости сюжетов, а также изображения мечей на стелах от социального положения погребенных, то она подтверждается теми материалами, которые дает изучение давних могил того же и более раннего времени.

Видимо, не случайно в погребениях, изученных за последние годы

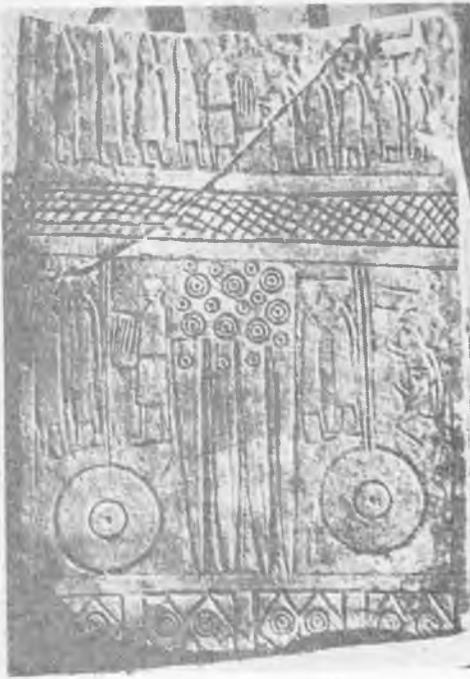

Рис. 3. Центральная часть сцены «с орнаментом». Сверху — сцена передачи форминги (?)

пользовалась привилегированная категория воинов — конники. Однако такой интерпретации препятствует характер меча — не столь длинного, чтобы применять его в конном сражении для нанесения рубящего удара, но более приспособленного для рукопашной¹⁷. К тому же ни один из всадников в сценах, нанесенных на стелы с оружием, не вооружен мечом — и в сражениях, и в сценах охоты они используют только копья; более того, вообще меч в руках воина изображен только один раз — у пешего воина, на голове которого шлем с перьями¹⁸. Не проясняют вопроса и конские удила или подвески от них, находимые в погребениях, поскольку археологически установлено за последнее время, что на территории Апеннинского полуострова (за исключением области венетов) удила были принадлежностью лишь колесничной упряжи¹⁹.

Неясно также, почему начиная с VI в. до н. э. ряд сцен, характерных для стел с оружием, входит в обычный репертуар стел с орнаментом. Говорит ли это о дальнейшей дифференциации внутри верхушки давнского общества под влиянием соприкосновения с классовым обществом греческих колонистов, свидетельствует ли о лишении права на ношение меча

в районе Мелфи, в большей части мужских захоронений находят наконечники копий и ножи, но лишь в немногих из них имеются мечи; на связь меча с социальным положением покойника особенно ясно указывает могила подростка, в которую положен меч, хотя по возрасту юноша еще не мог быть воином¹⁵. Мы имеем дело с определенной социальной категорией, которую следует отнести к верхушке давнского общества. Характерно полное совпадение и формы, и размеров мечей в могилах и на стелах. Это мечи с прямыми клинками 40–50 см¹⁶.

Социальная картина, создаваемая давскими погребальными стелами, оставляет неясными многие вопросы. Прежде всего остается открытым вопрос о соотношении меча и коня. Поскольку военные сцены и изображения всадников характерны только для стел с оружием, т. е. стел, дающих изображение воина с мечом, можно было бы думать, что правом ношения меча

¹⁵ Bottini A. La documentazione archeologica nel Melfese // La civiltà del Dauni... P. 27 sgg.; *idem*. Interventi della seconda giornata // *Ibid.* P. 47.

¹⁶ Nava M.-L. Interventi della seconda giornata // *Ibid.* P. 49.

¹⁷ Peroni R. Interventi della seconda giornata // *Ibid.* P. 48; Bottini. Interventi... P. 47.

¹⁸ Nava. Interventi... P. 49.

¹⁹ Peroni. *Op. cit.* P. 48.

какой-то части военной знати, сохранившей, однако, право изображения на погребальных памятниках символов, характерных для прежнего статуса? В пользу такого предположения, возможно, говорит то, что многие символические сцены, перешедшие на стелы с орнаментом, продолжают сохраняться и в стелах с оружием, и в то же время ни колесницы, ни изображения всадников, ни военные сцены не переходят на стелы с орнаментом.

Таким образом, хотя не удастся установить прямую связь между обладателями коня (или колесницы) и находимыми в могилах мечами (для конного сражения непригодными), нельзя и усомниться в более высоком социальном положении «обладателей» стел с оружием (где оружие — всегда меч). На это указывают изображения колесниц и сцены с всадниками. Предложенные исследователями многочисленные параллели с обществом венетов, где всадники составляли особую категорию, и пиценов, позволяют думать, что воины, захороненные в могилах, украшенных стелами с оружием, принадлежали именно к этой категории²⁰.

Практическое исчезновение стел с оружием в V в. до н. э., сопровождавшееся отказом от украшения стел с орнаментом какими бы то ни было сценами и предшествующее полному исчезновению антропоморфных погребальных стел, может рассматриваться как показатель окончательного разрушения социальной структуры давнского общества под воздействием эллинизации.

Но если о социальной структуре давнов можно судить лишь по косвенным данным и на основании сопоставлений с соседними обществами, стоявшими на сходном уровне развития, то об уровне эконо­мического развития давнского общества до его поглощения греками, о развитии мореплавания и военного дела и даже музыкального искусства (лира, форминга) изображения на стелах дают более ясное представление. На них можно видеть военные сцены и поединки, разнообразное оружие, колесницы, о применении которых в древнейшей Италии до последнего времени известно не было. Очень интересны изображения небольших кораблей с четырехугольным парусом и экипажем (три фигурки с щетинками волос, одна из них повернута лицом к двум гребцам и протягивает к ним руки). Эти корабли часто сопоставляют с кораблем, изображенным на стеле Новиллары²¹.

Обильно представлены охотничьи сцены, что еще не свидетельствует о преобладании охоты над другими видами хозяйственной деятельности — ведь речь может идти о символическом смысле, вкладываемом в этот сюжет (не случайно изображенные здесь пешие охотники часто имеют на голове своеобразный шлем с тремя рогами). Не показательно и полное отсутствие пастушеских сцен, поскольку сам факт превращения Фавна-Давна в пастушеское божество латинян, через чью территорию проходили давны, двигаясь на юг, показывает, что божество-эпоним этого народа имело пастушеские функции. Наличие у давнов крупного рогатого скота подтверждается изображением быков на двух стелах с оружием VI в. до н. э.²² Земледелие зафиксировано сценами растирания зерна на жерновах и отдельно изображенными жерновами. О том, что давнам была знакома маслина, можно судить по подвескам на фибулах, имеющим форму оливкового листка. О развитии ткацкого дела свидетельствуют не только сцены ткачества, запечатленные на стелах с орнаментом, но и изображения одежды — и той, в которую облачены действующие в различных сценах персонажи, и той, что имитирует одеяния самих антропоморфных стел. Мы видим богато рас-

²⁰ Fogolari G. Intervento in discussione finale // La civiltà dei Dauni... P. 378.

²¹ Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962. С. 116.

²² Nava. Le stele. P. 130.

Основное изображение		«Вторичные»
стелы с орнаментом	стелы с оружием	стелы с орнаментом
Изображения рук и элементов инвентаря реалистичны. Две-три наложенные друг на друга фибулы, каждая из которых поддерживает подвеску. Руки, уложенные горизонтально, на груди под фибулой. Нижняя подвеска — в центре между руками. Над поясом из горизонтальной полосы, прерывающей декор двух боковых вертикальных лент; пять лент, на каждой из которых — по одной или несколько подвесок с двойным кругом, иногда под ними подставка в виде двойной протомы птицы	Изображения рук и элементов инвентаря реалистичны. Панцирь — узкий вертикальный прямоугольник с вогнутыми боками, украшенный параллельными горизонтальными сегментами, расположенными на некотором расстоянии друг от друга. С воротником одежды и с мячом соединен кружочками. Руки несколько наклонены; ниже рук — расположенный почти горизонтально меч с эфесом под правой рукой. На задней стороне стелы — большой круглый щит, соединенный с воротником	1. Женский персонаж, сидящий напротив вертикального предмета, украшенного меандром, — возможно, ткацкого станка (изображение на передней стороне стелы) 2. Процессия женских персонажей 3. Охотящиеся животные 4. Птицы

шитые ткани, свидетельствующие о высоком уровне мастерства. О развитии ремесла позволяют судить и украшения, как изображенные на стелах, так и постоянно находимые в могилах. Привлекая иконографию стел для выяснения экономики давнского общества, не следует забывать о символическом смысле изображений, который делает документацию достаточно односторонней. Стелы, например, не дают никаких данных о развитии гончарного производства, а между тем, археологически хорошо известны не только давнская керамика, но и многочисленные печи для ее производства, находимые при раскопках давнских поселений²³. И все же стелы дают общее представление и об экологической среде обитания давнов, и об отдельных отраслях их хозяйства, и об уровне жизни и социальной дифференциации.¹

Однако наиболее полно стелы документируют религиозную идеологию давнов. На них широко представлен сам погребальный обряд с его печальным шествием и жертвенными дарами, поминальной трапезой и ритуальными поединками. Не менее интересен символический язык этих изображений, который еще предстоит разгадать, хотя отдельные его символы могут быть поняты уже сейчас благодаря параллелям в религиях других древних народов Центрального Средиземноморья.

Давнским корабляком можно найти аналогии и в корабле со стелы Новиллара из Пицена, и в изображениях на сосудах импасто у фалисков, и в сопровождавших покойника этрусских моделях кораблей²⁴.

²³ De Juliis E. V. Le attività della soprintendenza archeologica della Puglia nel territorio Daunio // La civiltà dei Dauni... P. 15 sgg.

²⁴ Camporeale G. Interventi della terza giornata // La civiltà dei Dauni... P. 191.

изображения стелы с оружием	Фон	Боковая сторона	Декоративная техника
1. Колесницы (на передней стороне стелы) 2. Всадники (там же) 3. Фантастические животные: пегас, химера, дракон, морские чудовища, волчица с ослиной ногой, гидра (изображение на передней стороне стелы или на задней ее стороне под щитом) 4. Сцены беседы: женские пары с сосудами на головах; пары мужчин, стоящих напротив друг друга (обычно на передней стороне стелы, реже — сзади, под щитом) 5. Пращники (на задней стороне стелы, под щитом) 6. Птицы (там же) 7. Волки (там же) 8. Сцена ткачества (изображение под правым локтем) и колесо предположительно относящиеся к той же стеле) 9. Охотящиеся животные	Главным образом пернатые (водоплавающие птицы, ласточки); волки, зайцы, рыбы	Ромбы, расположенные непрерывной вертикальной линией или прерывающиеся зонами, украшенными кружочками	Тонкая и легкая насечка; в основных изображениях несколько толще. Следы окраски, одинаковой в главных и вторичных изображениях, но в главных — чередование красного и коричневого тонов; во вторичных — преобладание красного цвета

В связь с миром мертвых может быть поставлена и часть тех фантастических существ, чьи изображения характерны для стел первых трех периодов. Во всяком случае это несомненно для трехглавого чудовища со стелы с оружием конца VII или начала VI в. до н. э., которое С. Ферри называет кербером²⁵. В плане соприкосновения с потусторонним миром следует, видимо, трактовать изображение волкоподобного чудовища, сидящего с угрожающе разинутой пастью перед человеческой фигуркой. Как проводы покойника может рассматриваться сцена встречи двух персонажей — мужского с котомкой и женского с ситупой на голове, руки которых как бы в приветствии или прощании соединяются на разделяющем их вертикальном железе. Изображение женщины перед ткацким станком может быть понято в свете той роли, какую играют прядение и ткачество в балканских погребальных обрядах²⁶. Но наиболее интересна символика тотемистического характера.

Обилие птиц и птицеобразных людей среди изображений, часто встречающихся на стелах, — это не только и не столько отражение окружающей давней фауны, сколько мотив, тесно связанный с их религиозными представлениями. Эти изображения впервые позволяют понять истоки греческого сказания о превращении спутников Диомеда в птиц, напоминающих

²⁵ С телом и ногами хищника из семейства кошачьих, пятнистой шкуркой, головой в профиль, напоминающей ослиную, и двумя расположенными над ней в фас головами меньшего размера, это существо имеет три хвоста, рядом с которыми из тела поднимается нечто вроде крыльев (Ferri. *Stele «Daunie»*. VII. P. 209).

²⁶ Иванов В. В., Топоров В. Н. Пряжа // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 343.

Основное изображение		«Вторичные	
Для своих видов памятников характерны геометрические мотивы с концентрическими кругами, часто виссаными в ромбы или окаймленными прерывающимися линиями		Иконография продолжает оста сонажей, и по разнообразию тем, но размещаются спереди, в стелах сто	
стёлы с орнаментом	стелы с оружием	стелы с орнаментом	
Плечи слегка приподняты, ворот одежды, как и в первом типе, прямоугольный, в центре прерван ожерельем. На груди — две фибулы, образующие подвеску. Пояс спереди украшен так же, как в типе I; на задней стороне — большие круглые подвески	Панцирь ниже и шире, чем в I типе, часто украшен по нижнему краю карнизом с мандром; с воротом и мечом соединен концентрическими кругами. Меч расположен горизонтально. Щит — на задней стороне стелы, связан с воротником вертикальными валиками или двойными кругами и обычно декорирован 12 или 24 ромбами или расположенными по краю концентрическими кругами	1. Процесии женщин с сосудами на головах 2. Женщина и мужчина обмениваются формингами — иногда в окружении других женщин и мужчин (изображение чаще сзади) 3. Подношение форминги. Два участника окружены другими персонажами (изображение чаще под рукой) 4. Фантастические животные: кербер, лев с рыбьим хвостом (изображение на груди) 5. Перемалывание зерна на жерновах 6. Корабль 7. Охотящиеся животные 8. Птицы	

людей. Сообщения Лика и Тимея, на которых ссылается схолиаст Ликофрона, а также Страбона, наблюдавшего ручных птиц на одном из Диомедовых островков (у берегов Апулии), показывает, что почитание птиц давными сохранилось и полтысячелетия спустя после утраты ими независимости. Незамысловатые рассказы местного населения о «человеческом» прошлом этих птиц и были преобразованы греками в поэтическую легенду. Поклонение птицам-первопредкам, которое может быть реконструировано и на основании сообщений греческих авторов, и благодаря информации, поставляемой стелами, — достаточно распространенный элемент религиозно-мифологической системы и ритуалов многих народов, находящихся на ранних ступенях общественного развития²⁷. Как установлено современными исследованиями, особенно широко «птичьи» мотивы были распространены в Балканском регионе²⁸, откуда, согласно традиции, переселились давны.

Еще более интересен в давнской иконографии мотив волка, поскольку он связан с самим названием племени — *Δαύβοι*, имеющем значение «при-

²⁷ Они же. Птицы // Там же. С. 346 сл.

²⁸ Нежировский А. И. Античный миф о человеке-лебедь и его древнеславянские параллели // Норция. Вып. 2. Воронеж, 1978. С. 23 сл.; Кнежевик С. Птиците во фолклорот и во символиката балканските народи // Македонски фолклор. 1971. година IV. В. 7—8.

изображения	Фон	Боковая сторона	Декоративная техника
ваться богатой и по обилию пер- В стелах с орнаментом они обыч- с оружием более насыщена задняя рона			
стелы с оружием	Наиболее часты человеческие изображения (си- дящие на коротч- ках мужчины), карабкающиеся животные, раз- вернутые в пра- вую сторону ры- бы	Круги и концен- трические круги; иногда мотив кругов сочетает- ся с мотивом прямых углов	Сходна с декора- тивной техникой I типа
1. Охота на оленя вооружен- ных копьями всадников (изоб- ражение на задней стороне стелы, под щитом) 2. Колесницы (изображение на передней стороне стелы) 3. Сражения между всадни- ками (там же) 4. Те же фантастические су- щества, что и в первом типе стел (там же) 5. Дружеские трапезы (там же) 6. Женщина, приносящая дары сидящему на троне муж- чине 7. Два персонажа в длин- ных плащах и конических го- ловных уборах 8. Сцены беседы, аналогич- ные изображенным на стелах I типа 9. Охотящиеся животные 10. Птицы			

надлежащие к волкам»²⁹. Форма эта чисто иллирийская, входящая, как установлено на обширном материале В. В. Ивановым, в круг «волчьей» теонимики и антропонимики³⁰. Здесь проявляется характерное для мифов многих народов представление о вожде племени в образе волка или наделении его способностью превращаться в волка³¹. «Волчья» природа родоначальника давнов Давна проступает и в его генеалогии: в греческом мифе он сын Ликаона, связь которого с волком — не только в имени, образованном от Λύκος, но и в предании о превращении его Зевсом в волка (Ovid. Met. I. 232 sqq.; Paus. VIII. 2). В свете этих представлений становится понятным без конца повторяющийся на давнских стелах сюжет погони волком за зайцами и изображения бегущих волков³²: это прославление силы и быстроты единоплеменников, отождествляемых с волками.

Для мифологического образа волка у многих народов характерна также связь с подземным миром, миром мертвых. Его властитель приобретает черты чудовищного пса-волка, пожирающего души мертвых³³. Выше-

²⁹ Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 5.

³⁰ Там же.

³¹ Иванов В. В. Волк // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 242.

³² Вряд ли можно согласиться с исследователями, считающими, что здесь изображены собаки.

³³ Иванов В. В. Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое-убийце Пса и евразийские параллели // Славянское и балканское языкознание. Вып. 4. М., 1977.

Основное изображение		«Вторичные»
Отличительная особенность — обильное использование в обоих родах орнаментальных мотивов свастики и меандра. Появляется тенденция к схематизации		Хотя орнамент еще богат, уже передней стороне стелы; более располагаются на задней стороне: том, вокруг щита —
стелы с орнаментом	стелы с оружием	стелы с орнаментом
Плечи заметно приподняты и дугой соединены с воротником, расположенным полукругом и уже не соединенным с ожерельем. На шею — ожерелье. Руки изображены схематично, уложены наклонно. В фибулах часто отсутствует завершающее утолщение. Подвески, расположенные сверху и внизу, очень отличаются друг от друга: верхняя — более простая, нижняя усложнена мелкими подвесочками. Пояс, хотя и богато декорированный сзади, упрощается: на рисунок одежды нанесены изображения от трех до восьми лент и сбоку от них — две большие круглые подвески.	Панцирь, закрывающий грудь, становится более широким. Руки изображены схематично, уложены наклонно. Рукоять и ножны меча более стилизованы, под рукоятью — две вытянутые прямоугольные бахромы, едва намечавшиеся в предыдущих периодах. Щит занимает большую часть задней стороны стелы, с воротом его соединяют валики. Обычный орнамент — 12 ромбиков и часто концентрические круги.	1. Фантастические животные 2. Чудовища 3. Погребальные гробницы 4. Охотничьи сцены 5. Охотящиеся животные 6. Группа женщин, идущая навстречу другой группе женщин (иногда в руках женщины одной из групп — форминги) 7. Вооруженные мужчины, стоящие друг против друга 8. Поединок вооруженных мужчин 9. Преследование зайца волком (или собаками) 10. Сцены приношений 11. Рыба 12. Человеческое жертвоприношение (на задней стороне одной из стел) 13. Мужчина, стоящий напротив лошади 14. Птицы

упомянутое волкообразное существо, готовое проглотить стоящего перед ним человечка, вполне вписывается в этот круг представлений. Считая себя порождением волка, давны могли мыслить смерть как поглощение прародителем.

На уровень религиозных представлений выводит и сценка с сидящими друг напротив друга волком и козлом. Смысл этой сценки, на наш взгляд, высвечивается латинскими религиозными параллелями, такими, как связь волка и козла в празднике Луперкалий. Главная часть этого праздника, приходившегося на середину февраля (месяц очищения от смерти), состояла, как известно, в том, что город обегали обнаженные, в одних набедренных повязках, жрецы-луперки с ремнями из шкуры жертвенного козла, удары которых должны были изгонять все дурное и способствовать плодородию³⁴.

Сервий, использовавший более раннюю антикварную литературу, сообщает, что в ритуал Луперкалий входило принесение в жертву козла (Aen. VIII. 343). Овидий (Fast. II. 361) и Плутарх (Rom. 21) полагают, что жертвой была коза, но это явная ошибка: во время Луперкалий жертва приносилась Фавну (Ovid. Fast. II. 267), богу мужского, которому в соответствии с римской религиозной практикой полагалось животное мужского пола. Если верно предложенное Дж. Каркопино объяснение названия

³⁴ Ovid. Fast. II. 266 sqq.; Plut Rom. 21; Serv. Aen. VIII. 343.

Изображения	Фон	Боковая сторона	Декоративная техника
имеется тенденция к его упрощению на сложные сцены на стелах обоих родов выше и ниже пояса в стелах с орнаментом в стелах с оружием	Преобладающие птицы	Вертикальные ряды ромбов на фоне квадратов, в ряде случаев отделенных от пояса простыми кругами	Раскраска в два цвета: красный для лиц людей и тел животных; черный для подчеркивания прически и одежды
стелы с оружием			
1. Фантастические животные 2. Чудовища 3. Погребальные трапезы 4. Охотничьи сцены 5. Военные сцены 6. Колесницы 7. Сцены беседы, аналогичные изображенным на стелах I—II типов 8. Охотящиеся животные 9. Птицы			

Луперкалий от *lupus* и *hircus* (арханческое написание: *ircus*³⁵), то *hircus* (а не *сарга*) оказывается засвидетельствованным и этимологически. По сведениям Плутарха (Rom. 24), во время Луперкалий в жертву приносилась также собака, — видимо, ввиду сходства с волком. О том, что первоначально это был волк, можно заключить из свидетельства Юстина, что первоначально луперки во время своего священного бега накидывали на себя шкуру не козла, а волка (XLIII, 1. 7).

Таким образом, соединение в едином сюжете волка и козла на давнской стеле вполне может отражать обряд, о котором можно судить по латинскому его варианту. Закономерность такого сопоставления подкрепляется самим именем бога, чьим праздником считались Луперкалии: *Faunus* — это латинизированное *Daunus*. Да и сами римляне считали Луперкалии праздником пеласгийским, пришедшим из Аркадии как праздник Пана — хранителя стад (Ovid. *Fast.* II. 272 sqq.).

Благодаря новым находкам на территории венецов было обращено внимание на те точки соприкосновения в связанных с Диомедом мифах о давнах и о венецах, которым раньше не придавалось большого значения. Рассказ о принесении венецами Диомеду в жертву белого коня (Strabo. V. 1. 9) приобрел особую весомость, когда в венецких некрополях удалось обнаружить ряд погребений VI—V вв. до н. э., выделявшихся захоронением

³⁵ Цит. по: Ernout A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. P., 1985. P. 370.

Основные изображения		«Вторичные»
Дальнейшая стилизация и схематизация. В главном декоре другие геометрические мотивы уступают все большее место свастике. Свастики изображаются чаще попарно, нередко чередуясь с более простыми элементами, помещенными в квадраты. На задней стороне стелы орнамент иногда дополняется меандрами и бегущими волками. Руки еще более схематичны, чем на стелах III типа		Дальнейшее упрощение стелы с отсутствием вторич и стили
стелы с орнаментом	стелы с оружием	стелы с орнаментом
Плечи дугообразны. Фибул всегда две, обе ромбовидные, часто декорированные. Верхняя подвеска (как и III) проще и меньше, хотя разнообразие ее форм еще сохраняется; нижняя, более значительная подвеска — всегда пятиугольна, с пятью круглыми или квадратными подвесочками. Пояс простой, с тремя — пятью неукрашенными лентами; вместо нижней горизонтальной полосы часто простая горизонтальная линия; на задней стороне стелы пояс украшен меандрами или чередующимися углами и прерывающимися линиями. Изображение рук выше локтя часто сливается с вертикальными полосами орнамента	Две прямоугольные подвески пояса удлиняются порой до того, что заполняют нижнюю зону до основания. На задней стороне стелы, украшенный 12 ромбами	1. Корабль 2. Охотящиеся животные 3. Сцены прощания 4. Сцены приношений 5. Ритуальные поединки 6. Перемалывание зерна 7. Гуси и обезьяны 8. Бычьи головы, вписанные в квадрат 9. Птицы

коней и вместе с тем обрядом трупоположения (на общем фоне кремации, типичной для основной массы могил). В одном из таких погребений найдено 30 конских скелетов³⁶. Поскольку для венетских могил характерна кремация³⁷, мы сталкиваемся здесь не с венетским погребальным ритуалом, хотя венеты — эти потомки пафлагонских энетов, известных как взращиватели коней — славились коневодством.

В поисках этноса, которому следует приписать внесение конских жертвоприношений в венетскую погребальную практику, обратимся к Страбону. Географ сообщает, что наиболее распространен был взгляд на венетов как на пафлагонское племя, переселившееся после падения Трои первоначально во Фракию, а затем уже в Италию (XII. 3. 8). Именно в преданиях, связанных с фракийской территорией, явственно проступают следы, указывающие на значительное место коня в религиозной практике этого народа. Вспомним миф о фракийском царе Ресе, обладателе волшебных белоснежных коней. Греческие предания связывают этого Реса с Диомедом, рассказывая, что Рес, ставший на сторону троянцев, пытался переправить своих коней в Трою, был убит аргосским героем, которому и достались кони³⁸. Кроме того, греки относили к Фракии другого Диомеда, владельца коней-людоедов³⁹. Вместе с тем, археологические материалы

³⁶ Fogolari. Op. cit. P. 377 sq.

³⁷ Нежировский А. И. Ранний Рим и Италия. Воронеж, 1952. С. 75.

³⁸ Нот. II. 435 sqq., 470 sqq.; Verg. Aen. I. 469; Serv. Aen. I. 470.

³⁹ Diod. IV. 15; Apollod. II. 96; Serv. Aen. I. 752.

изображения	Фон	Боковая сторона	Декоративная техника
вторичного декора. Впервые появляются изображения декора. Дальнейшая схематизация зация		Ряды наложенных друг на друга ромбов	
стелы с оружием			
1. Корабль 2. Охотящиеся животные 3. Изолированные фигуры стоящих друг напротив друга воинов 4. Всадники 5. Птицы			

Фракийские стелы свидетельствуют о широком распространении культа всадника⁴⁰. Все это позволяет думать о фракийском элементе в погребальном обряде, засвидетельствованном в упомянутых могилах венецкого некрополя, и о заимствованном из фракийской практики ритуале принесения в жертву обожествленному Диомеду белого коня.

В отличие от венецкого материала ни содержимое давнских могил, ни иконография давнских стел, хотя на них и встречаются изображения коня (рис. 4), не дают оснований говорить о сходном месте коня в погребальных обрядах давнов⁴¹. Однако в преданиях о Диомеде в Италии бросается в глаза обилие «конной» тематики. Герой женится на дочери Давна по имени Эвгиппа (*Lycophr.* 595 sqq.); среди городов, основание которых ему приписывали греки, у всех авторов фигурирует Агригиппа в Апулии, ее развернутое название — Ἄρτος Ἰππίου — упоминают Ликофрон, Страбон и Плиний Старший. Сервий (*Aen.* VIII. 9) упоминает также о городе *Equus Tuticus*, правда, без указания его местонахождения.

⁴⁰ *Топоров В. Н.* Фракийский всадник в свете реконструкции // *Международный симпозиум «Античная балканистика»*. М., 1986. С. 51 сл.

⁴¹ Изображение коня со следами украшающих его лент и утрировано огромным животом на одной из стел с орнаментом не обязательно связано с погребальным обрядом — оно может быть, как полагает С. Ферри, репликой легенд о троянском коне, распространенных в регионе обитания давнов до появления их в Италии (*Ferri. Stele «Daunie» VII. P. 211 sgg.*).

Основные изображения		«Вторичные»
стелы с орнаментом	стелы с оружием	
Вариант А: декор сходен с декором на стелах IV типа. Вариант В: в орнаменте преобладают меандры и изображения волков; на груди — единственная фибула с большой подвеской, под ней обычно расположенные трапециевидные ленты с обильным декором.	Отсутствуют (за единственным исключением)	Полностью

Такое постоянное соединение рассказа о Диомеде в Италии с темой коня наводит на мысль, что народные предания и венетов, и даунов включали перенесенные из Фракии предания о герое с тем же именем. Если это так, то становится понятным, почему греческие легенды связали «своего» Диомеда с даунами, хотя эти последние заселили Апулию, по крайней мере, два столетия спустя после прекращения итало-балканских контактов микенского времени. Услышав в «варварских» землях знакомое имя и будучи уверены, что там побывали в далеком прошлом эллинские герои, они «дополнили» гомеровский образ Диомеда подробностями, частично взятыми из местных преданий, частично просто характерными для героев-цивилизаторов. Независимо от того,

Рис. 4. Фрагмент стелы (предположительно «с оружием»). Конь

расценивать ли фракийского и аргосского Диомедов как совершенно различные мифологические образы или воспринимать их как первоначально единого и лишь затем расслоившегося героя, как считает вслед за Э. Бете В. Л. Цымбурский⁴², в данном случае важна не история развития мифологического образа, а та информация, касающаяся путей миграции давического этноса, которая может быть извлечена из преданий о Диомеде.

В мир северобалканских народов, на пути их миграций уводятся также параллели в керамическом материале⁴³ и (по крайней мере, для конца бронзового века) типологии фибул⁴⁴. После публикации полного каталога давических стел стало возможным установление и других аналогий. В ходе

⁴² Цымбурский В. Л. Гомеровский эпос и этногенез Северо-Западной Анатолии: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1987. С. 11.

⁴³ De Juliis E. M. La ceramica geometrica della Daunia. Firenze, 177. P. 93. sgg.

⁴⁴ Le Schiavo F. La Daunia e l'Adriatico // La civiltà dei Dauni... P. 222 sgg.

Изображения	Фон	Боковая сторона	Декоративная техника
отсутствуют		В варианте А декор как на стелах IV типа. В варианте В: мотив бегущих волков и изолированные меандры и свастики.	Рисунок выполнен широкими насечками. Окраска отсутствует

дискуссии, развернувшейся по докладу М.-Л. Навы на посвященном давнам конгрессе, Д. Рендич-Миочевич сообщил о погребальных урнах (по-видимому, VI в. до н. э.), которые в последние десятилетия стали находить в Югославии. По его мнению, в общих чертах они напоминают давние стелы по форме и по технике декора «нарезкой»⁴⁵. Дж. Фоголари обратила внимание на сходство орнамента, украшающего «одежды» на стелах, с расшитыми албанскими одеждами⁴⁶.

Параллели устанавливаются и в мире венетов: шиты, изображаемые на стелах и найденные в давнских могилах, обнаруживают явное сходство с теми, что находят на территории венетов (в Эсте), как и биконические ситулы, имевшие какое-то ритуальное назначение (судя го изображению этого типа сосудов, в сценах процессий женщин или птицеголовых существ с женскими телами).

Итак, наряду с элементами, общими для народов, находящихся на сходных стадиях развития, и в сфере материальной культуры, и в области религиозных представлений, можно говорить о параллелях, ведущих в тот регион и к тому этническому пласту, на которые указывает античная традиция, возводя родословную Давна к Ликаону, сыну Пеласга, эпонима заселявших Балканы пеласгов.

Значение открытий в Апулии выходит за пределы информации об одном из италийских народов, о котором ранее не знали ничего, кроме того, что о нем скупко рассказывали греки, и который ныне впервые обретает зримый облик. Эти открытия указывают путь к познанию закономерностей этнического развития большого региона, охватывающего восточное, северное и западное побережья Адриатического моря, возвращая нас на новой основе к давнему спору о пеласгах и путях их миграций.

Л. С. Ильинская

⁴⁵ Rendič-Miočević D. Discussione finale // Ibid. P. 375.

⁴⁶ Fogolari. Op. cit. P. 377 sgg.

ANCIENT TRADITION ABOUT THE DAUNII AND DIOMEDES
IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES
IN APULIA

L. S. I'inskaya

The anthropomorphic columns which have been discovered since 1962 in the Sipontium ares, not only throw light on the life of the small Daunii people, they also help

to establish what the ethnographic composition of the region that embraces the Eastern, Northern and Western Adriatic coast was, and further the old argument on the routes of ancient migrations.

If one examines the religious ideas of the Daunii, as they are expressed on the columns and explained by ancient writers, he will discover a cult of Diomedes. Thus, the introduction of the cult of Diomedes in the lands settled by the Veneti in the North and the Daunii in the South of Italy, should not be attributed to the descendants of the Greek colonists, but to tribes from Thracia, which settled in the region. Thracian legends about Diomedes are closely linked to the cult of the horse and the bird. They were brought over to the Italian soil, and it is possible that after the arrival of Greek colonists, they gave rise to the Greek Legends about Diomedes of Argos coming to Italy.

In the Balkans, the motif of the wolf was introduced in the Daunian iconography, as it corresponds to the Illyrian form of the people's name, *Daunii*, which belongs to the «lupine» category of ethnonymics and anthroponymics. In the light of this name and of the legends that link the lord of the tribe to the image of a wolf, it becomes easy to understand the oft-repeated motif of running wolves (they have been incorrectly identified with dogs), and the wolves chasing hares on these columns. The picture of the wolf and the goat sitting opposite each other could be linked to the Latin Lupercalia. The joining together of the Lupercalia and the cult of the shepherd god Faunus, which according to the legends was initiated by Euandrus the Arcadian, suggest that the similarity is not accidental. (Faunus is Latin form for Daunus).

Thus, besides the elements common to all peoples at similar stages of social development, we can turn our mind to the parallels predominant in the region, and more so, to that ethnonigalical stratum indicated by ancient tradition who have the Daunii derive from Lycaon, son of Pelasgus who gave his name to the pre-Greek population of the Balkans, which according to tradition, moved from the South of the peninsula to its Northern regions.
